

0: РОССИЯ НЕ БУДЕТ КАТОЛИЧЕСКОЙ

о. Станислав Опеля — начальник независимого Российского региона Общества Иисуса (ордена иезуитов)

— В русской прессе, а еще чаще в высказываниях православных иерархов звучит определение «каноническая территория православия». Какое значение вкладывают в этот термин представители Московской Патриархии и какие последствия это имеет для других вероисповеданий?

— Как правило, представители Московской Патриархии считают, что территория бывшего Советского Союза — это исключительная сфера влияния православия. При этом само понятие «канонической территории» довольно сомнительно. Ничего такого не существует. Жители Западной Европы начиная с Польши — в большинстве своем люди католического или протестантского вероисповедания. Однако ни одно из этих вероисповеданий не претендует на какую-либо свою каноническую территорию. На одной и той же территории действуют разные Церкви со своей иерархией. В том числе и православная Церковь.

Я был в Риме и встретился с Иоанном Павлом II вскоре после назначения православного митрополита Северной Италии. Папа, смеясь, сказал: «Не вижу никаких препятствий — напротив, я был бы очень доволен, если бы резиденция митрополита находилась в Риме. Тогда контакт у нас был бы лучше».

Что значит это для других вероисповеданий? Прежде всего то, что Московская Патриархия желала бы давать разрешения, а скорее — отказывать в разрешении на создание любой, даже небольшой структуры иной Церкви или конфессии. 3 марта 1992 г., на первой встрече в Женеве, католическая и православная стороны пришли к соглашению, которое обязывает их информировать друг друга о возникновении новых структур. Однако в коммюнике для прессы, опубликованном по итогам встречи, был использован довольно расплывчатый термин — «взаимные консультации». Понятие «консультация» весьма растяжимо. Оно может ограничиваться информированием, а может означать и требование получения согласия Московской Патриархии на деятельность на этой территории. Впоследствии католическая сторона уточнила смысл этого термина в инструкции папской комиссии «Pro Russia» от 1 июня 1992 года. Инструкция объясняет, в чем должно состоять взаимное информирование. Однако это документ только католической Церкви, и практически он обязывает лишь одну из сторон. Что касается другой стороны — можно лишь выразить пожелание, чтобы все происходило именно так.

— Вы сказали, что Московская Патриархия понимает под «канонической территорией» все земли бывшего СССР. Таким образом, к ней отнесена и традиционная сфера влияния римского католичества, представленная многочисленной группой верующих, живущих на территории прежней Речи Посполитой. Как вы интерпретируете папское решение об изменении границ ряда епархий в Литве, Белоруссии и на Украине и назначение новых епископов на эти территории?

— Новое епархиальное деление в западной части бывшего СССР и назначение новых апостольских администраторов отнюдь не было продиктовано желанием Папы отмежеваться от региона. К примеру, Московская Патриархия хочет по-прежнему иметь право решающего голоса в вопросе о православной Церкви на Украине. Поэтому назначение новой римско-католической иерархии или создание новых структур епархий параллельно действиям православной Церкви. Кроме того, это создаёт хорошую почву для экуменического диалога.

Если уж говорить о диалоге, то нетрудно предвидеть долгие трудности. Термином «экуменизм» пользуются и католическая, и православная Церковь, однако понимают они его по-разному. После нескольких месяцев пребывания в России у меня создалось впечатление, что для православной Церкви экуменизм означает ни больше ни меньше как обращение в православие. А всякая деятельность [иных конфессий. — Ред. «НП»] по евангелизации, даже ограниченная лишь вопросами веры и какими-то богословскими размышлениями, прямо квалифицируется как прозелитизм. Поэтому я полагаю, что с обеих сторон потребуются много доброй воли и много терпения, чтобы экуменический диалог действительно осуществился. Скажем, в Загорске продается «Антикатолический катехизис», репринт издания 1916 года. Конечно, подобной деятельностью в православной Церкви занимаются лишь ограниченные, узкие круги, тем не менее есть и такие тенденции.

— Не считаете ли вы, что взаимоотношения католиков и православных отягощены вопросом о греко-католической Церкви и об отношении православных к униатам?

— Униатская Церковь — проблема для всех православных, независимо от их открытости или закрытости по отношению к прочим вероисповеданиям. Для них греко-католическая Церковь — нечто вроде троянского коня. Принять назначение апостольских администраторов им не так трудно, как принять то, что функционирует униатская Церковь. Даже очень открытые люди в православной Церкви, когда дело доходит до отношений с униатской Церковью, придерживаются, мягко говоря, традиционных взглядов.

— Как вы оцениваете визит примаса Польши в Россию и Казахстан, в ходе которого были затронуты, в частности, экуменические проблемы?

— Мне кажется, визит примаса был важен для взаимного познания и помощи местной католической Церкви с польской стороны. Здесь по-прежнему ощущается огромная нехватка священников. Не потому, полагаю, что на территории бывшего СССР имеет место массовое обращение к религии, растет интерес к той или иной Церкви, но потому что здешние католические общины сильно разбросаны. До недавнего времени у настоятеля костела в Иркутске был, по-видимому, самый большой приход в мире — до самого Владивостока. При таких гигантских дистанциях пастырские труды заведомо малоэффективны. Священнику под силу появиться в какой-то местности за все время раз-другой. Например, в Казахстане, где я сам побывал, расстояния так огромны, что 11-12 священников просто не в состоянии посетить все малые общины верующих. Знаменитое польское село Вершина находится в 100 километрах от Иркутска. Ксендз всякий раз специально туда ездит. Если бы визит примаса мог содействовать тому, чтобы на эти территории прибыло больше священников из Польши, я думаю, одна из главных целей визита была бы достигнута. Причем лично я придерживаюсь той точки зрения, что это не должны быть исключительно польские священники.

— Как соотносятся трудности во взаимных контактах между католичеством и православием с диалогом, начатым обеими конфессиями после II Ватиканского собора? Встречи происходят, определена некоторая область общего духовного блага...

— Диалог между православием и католичеством содержит известного рода парадокс. Между этими двумя Церквями общего больше, чем между какими бы то ни было другими, но в то же время диалог между ними менее всего продвинут. Тому, что создалось такое положение, несомненно, способствовала позиция православной Церкви, прежде всего те ограничения, которым она подвергалась при коммунизме. Участие православной стороны в экуменических встречах часто увязывалось с обязанностью вести пропаганду режима. Не было ни одного экуменического собрания, на котором не был бы затронут вопрос о «мире во всем мире». Не было ни одного заседания Всемирного совета Церквей в Женеве, чтобы на нем не поднимали вопрос «борьбы за мир». Вот одна из причин, по которым диалог католической Церкви с православной сильно отстает от диалога с другими вероисповеданиями, в том числе и нехристианскими, например с иудаизмом.

— Как вы оцениваете деятельность отца Александра Меня? Я имею в виду прежде всего привлечение интеллигенции к православной Церкви и элементы экуменизма, содержавшиеся в том, что он проповедовал.

— Деятельность отца Александра Меня имела большое значение, хотя, в общем, ограничивалась довольно узким кругом. Однако если в православии вообще есть элемент открытости по отношению к католической Церкви, то это в значительной степени заслуга отца Александра. Я поддерживаю контакт с людьми из его круга, в частности с теми, кто готовит к изданию собрание его сочинений, и ясно вижу, что с этими людьми действительно можно вести экуменический диалог, не пытаясь обратить друг друга в свою веру. После II Ватиканского собора нет никаких причин стремиться к обращению православных в католичество. У католической Церкви нет такого стремления, хотя кое-кто из православных не только полагает, что она стремится к этому, но и прямо говорит об экспансии католичества на «канонической территории» православия.

После смерти о. Александра Меня связанные с ним круги стали принимать разную направленность, внутренне разделились. Это нормальное явление. Однако я думаю, что то, что посеял отец Александр, будет давать плоды, например, в каком-нибудь центре, созданном здесь католиками, но открытом для всех инаковерующих. Прежде всего — для всех, кому близка проблема веры, проблема Бога.

— В русской прессе нередко звучат обвинения по адресу польских священников, работающих на территории СНГ, в том, что они занимаются политикой или ведут полонизаторскую деятельность.

— Разумеется, в подобных утверждениях содержится большое преувеличение. И все же я считаю, что мы, поляки, должны быть особенно внимательны, чтобы служение наших священников воспринималось не как колонизация католической Церкви в России, а как евангелизация. Именно поэтому, как я уже говорил, на этой территории должны работать священники не только из Польши. С другой стороны, очевидно, что католики в России — это прежде всего представители национальных меньшинств. Главным образом польского, немецкого, частично белорусского и украинского. Эти люди хотят, чтобы богослужение совершалось на их родном языке. Вообще это довольно сложная проблема.

В Казахстане, Таджикистане, Киргизии да и в Новосибирске поляки не знают родного языка. Пользуется им только старшее поколение, хотя чаще всего и оно знает лишь ежедневно читаемые молитвы. Неподалеку от Целинограда, где я исповедовал верующих, со мной приключился забавный случай, который о многом говорит. Меня сразу спросили, могу ли я исповедовать по-польски, по-немецки, по-русски, по-украински. Я ответил, что не знаю только украинского, хотя предполагаю, что смогу догадаться, о чем пойдет речь. Так вот, исповедь происходила так: поляки говорили вначале «Niech będzie pochwalony!» («Слава Иисусу Христу!»), немцы — «Gelobt», украинцы — по-своему, а потом все переходили на русский.

Потому я думаю, что именно этот язык будет общим, даже, собственно, так оно уже и есть. Разумеется, я исхожу из того, что будут сохраняться группы, требующие совершения литургии на своем национальном языке, что вполне понятно. Однако тут проявляется очередной парадокс. Архиепископ Кондрусевич сообщил мне, что православная Церковь желает, чтобы католическое богослужение происходило исключительно на национальных языках, а не по-русски.

Все это требует от национальных меньшинств большой зрелости. К примеру, московские поляки весьма отрицательно отнеслись к тому факту, что первая месса перед костелом Свв. Петра и Павла на улице Мархлевского была отслужена по-русски. Думаю, это неправильное отношение: большинство верующих знало исключительно русский язык или, по крайней мере, владело им лучше, чем польским. Конечно, я понимаю разочарование поляков, которые помнят, что этот костел всегда был «польским», что построили его поляки. Однако в настоящее время архиепископ не может создавать национальные приходы. Следует более всего подчеркивать универсальное, вселенское измерение католичества, так как на вселенский характер претендует как раз православная Церковь. Она стремится закрепить убеждение в том, что католическая Церковь — это Церковь польская, немецкая, украинская, французская, английская. Какая угодно — только не вселенская.

— Однако, с другой стороны, православная Церковь сохраняет церковнославянский язык богослужения, и любая робкая попытка изменить это наталкивается на враждебность Патриархии. Верно, что церковнославянский — это «lingua sacra», объединяющая православную Церковь, но вместе с тем он создает многие ограничения. Верующие плохо понимают архаичный церковнославянский, и, насколько я знаю, те, кто его отстаивает, делают это прежде всего по той причине, что он искони употребляется в Церкви, по приверженности к традициям. Православный, читая Библию в переводе на русский язык, имеет дело с текстом, который его Церковь не признаёт богослужебным...

— Кстати, и с переводом католических текстов на русский тоже немало трудностей, прежде всего терминологического свойства. В русском многому просто нет соответствий. Чтобы выполнить эту задачу, должен возникнуть коллектив переводчиков, специалистов, которых здесь пока нет.

В настоящее время вырисовываются две переводческие тенденции. Первая — перенять православную церковную терминологию, вторая — просто русифицировать латинскую. Думаю, у обоих решений есть свои плюсы и минусы. В польском и любом другом западном языке многие церковные термины заимствованы из латыни и даже из древнегреческого. Однако они употреблялись много веков, и потому сегодня уже не воспринимаются как иноязычные.

— Не кажется ли вам, что ведущей целью католической Церкви на территории бывшего Советского Союза должна быть новая евангелизация и прежде всего рекатехизация верующих? Католики в России, словно по примеру православных, часто полагают, что достаточно лишь некоего эмоционального «вклада», чтобы стать христианином. При этом им сложно выразить основополагающие истины веры.

— Да, это область довольно запущенная. Даже священники — я имею в виду местное духовенство — мало этим занимаются. Не только потому, что у них нет времени. Еще недавно советское законодательство запрещало «пропаганду религии среди несовершеннолетних». Естественно, были попытки религиозного обучения вопреки запрету, но это были скорее отдельные случаи. В то же время следует подчеркнуть, что различные католические структуры сейчас пытаются наверстать упущенное. Особенную заботу об этом проявляет апостольский администратор. Уже сделаны первые шаги. Самый значительный пример — создание в Москве колледжа Св.

Фомы. Одна из задач колледжа — подготовка катехизаторов. Во время поездок по бывшему Советскому Союзу я имел возможность убедиться, что некоторые учителя польского языка, в частности в Казахстане, одновременно преподают основы Закона Божия. Священники, которые понимают значение катехизации, для которых важна, так сказать, вдумчивая вера, уже поручают катехизацию монахиням и мирянам. Уровень подготовки и у тех, и у других — скромный, поэтому так важно, что здесь, в Москве, возник центр по подготовке катехизаторов, который имеет филиалы и в других городах на территории всей Российской Федерации.

Помимо этой основной катехизаторской миссии нужна катехизация в более широком значении слова. Я надеюсь, что центр Общества Иисуса в Москве сыграет в этом важную роль. Необходимо найти место, где люди могли бы встретиться, побывать на конференции, посвященной проблемам веры и религии. Такого типа центр даст возможность русским католикам и православным заметить, что католическое богословие, в противоположность православному, развила то, что мы называем социальным учением Церкви. То есть то, чего у них здесь нет и что они считают излишним. Если бы на самом деле началось гармоничное сотрудничество между православной и католической Церковью, обеим Церквям было бы чем поделиться: они могли бы познакомиться с католическим социальным учением, а мы, католики, могли бы научиться ценить молитвенную сторону веры. В православии это очень подчеркнуто, чтобы не сказать больше: временами оно ограничивается лишь молитвой, причем молитвой не вдумчивой, не медитативной, а лишь изустной.

— Кроме социального учения, могли бы в России найти благодатную почву какие-либо иные идейные течения католицизма? Я имею в виду христианский персонализм, философию ценностей, вообще всю ту идейную сферу, которая в Польше представлена кругом «Тыгодника повсехного», журналов «Знак» и «Вензь».

— Несомненно. Хотя должен сразу оговориться, что речь идет об узком круге восприятия. Центр Общества Иисуса в Москве, а в дальнейшем, возможно, и в Новосибирске, безусловно, создается с ориентацией на университетскую среду. Образованные люди очень нуждаются в контактах с западной философией и западным богословием. Надо отдавать себе отчет в том, что это будут скорее небольшие группы.

Не стоит впадать в иллюзии. Католическая Церковь в России всегда будет Церковью меньшинства. Кроме того, сознание людей на этой территории сформировано православием — это касается и католиков. Поэтому не следует просто импортировать западные формы религиозного культа. Местным католическим общинам нужны формы религиозного выражения, соответствующие складу ума и чувствам живущих здесь людей. Формы, которые как бы произрастают из местной почвы. Ясно, что многие формы в католической Церкви имеют вселенский характер и не следует их менять, но есть множество нюансов, которые позволят не ущемить гордости этих людей, гордости, которая и без того часто перерождается в националистическую ограниченность и ксенофобию. Республики бывшего Советского Союза неизбежно должны пройти через эту фазу. Они должны вдоволь нарадоваться своей свободе и суверенности...

— А населяющие их народы — обрести свой национальный облик. Как вы оцениваете положение в католической Церкви, действующей на этой территории, с точки зрения постановлений II Ватиканского собора? Не кажется ли вам, что коль скоро и в Польше остается сделать еще очень многое в этой сфере, то уж здесь-то придется начинать с самого начала? Как местная католическая Церковь могла бы трансформироваться из иерархической в Церковь всех верующих?

— Я сформулировал бы это несколько иначе. Речь о том, чтобы, не ограничиваясь лишь институциональной формой католицизма, развить чувство причастности к Церкви. В этой области еще многое предстоит сделать — кстати, не только в России. Надо отметить, что на территории бывшего СССР налицо довольно широкая дифференциация, если сравнить различные действующие здесь католические центры. Там, где удалось сохранить преемственность веры, она перегружена традиционными средствами проявления религиозности, молитвами типа розария, литании, вечерни. Все остается так же, как было до II Ватиканского собора, и нередко сводится к этим формам. Хочу решительно подчеркнуть, что я не критикую, а описываю фактическое состояние. Нередко те самые формы, которые позволили сохранить веру, становятся своего рода бременем, особенно для молодежи.

Я считаю, что не надо с водой выплескивать и ребенка, перечеркивая традиционные религиозные формы, как это делают некоторые священники из Польши. Больше пользы будет, если эти формы обогатить новыми, вводя их с ориентацией на молодое поколение. Я имею в виду формы не только более привлекательные, но прежде всего воспитывающие. В Иркутске не было бремени традиций. Служащий там священник приступил к работе с людьми образованными, перед которыми проблема веры встала как проблема личная. Этот священник может — хотя не знаю, решится ли, — вводить новые формы проявления веры. В других местах сделать это гораздо труднее.

Приведу почти анекдотический пример. В одной деревне под Целиноградом священник призвал верующих по пятницам соблюдать пост, воздерживаться от мясной пищи. Одна из присутствовавших женщин, полька, упрекнула священника в неосведомленности: ее учили, что поститься надлежит по средам, пятницам и субботам. Она — свое, а ксендз — свое. Думаю, так они и расстались, не переубедив друг друга, на основании чего можно полагать, что еще некоторое время в католической религиозной жизни на этой территории будет сохраняться некоторая двойственность. Это касается в основном польских и немецких общин. В некоторых азиатских приходах немецкие священники не позволили установить алтари лицом к прихожанам. Иногда это следствие традиции, а иной раз — прямо традиционализма. Представитель литовских иезуитов специально ездил в Среднюю Азию, чтобы убедить одного из местных приходских священников, что II Ватиканский собор не был еретическим. У этого священника были отчетливые лефевристские настроения [французский кардинал Лефевр, ныне покойный, возглавил французских католиков-традиционалистов, не признавших ряда решений собора. — Ред.], и в этом духе он воспитал прихожан. Некоторые священники, руководствуясь своими пристрастиями, сумели, например, убедить верующих в том, что священник, который курит табак, совершает самый тяжкий грех, какой вообще может совершить духовное лицо.

— Много говорят о религиозном возрождении в России. Действительно ли это явление столь широкомасштабное и глубокое, как это представляет западная печать? Я сам сталкивался скорее с безразличным отношением к религии, независимо от того, кем называл себя мой собеседник — православным, мусульманином или иудеем.

— Это безразличие — одно из последствий коммунистического периода. Мне не кажется, что сейчас есть основания определять то, что происходит на территории бывшего Советского Союза, как религиозное возрождение. Да, конечно, люди принимают крещение, но вероисповедная практика оставляет желать много лучшего. Это относится и к Польше. Очевидные деформации в сфере нравственности — результат опустошений, произведенных коммунизмом. До войны поляки так не воровали, как сейчас. Во времена коммунизма кражи на производстве оказались возведены в ранг национальной добродетели. То же самое, если не хуже, — в России. Другая проблема, о которой мне говорят русские, — вопросы половой этики супружеской жизни, аборт. Этика труда деградировала. Должно пройти время, прежде чем люди поймут, что верить — значит жить по законам веры.

Беседу вел Мариуш Сельский

(печатается с сокращениями)

«WI&